

ФЕТОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ЦИКЛЕ А. БЛОКА «СНЕЖНАЯ МАСКА» (1907)

МАРИНА СПИВАК

Цикл «Снежная Маска», созданный Блоком в период с 23 декабря 1906 по 13 января 1907 г., включает в себя тридцать стихотворений. Он посвящен Наталье Николаевне Волоховой, артистке театра Комиссаржевской, с которой Блок познакомился в октябре 1906 г., в период постановки драмы «Балаганчик».

Комментаторами отмечалось (см. [Блок: 778–789]), что в цикле отразились «дионисийская» символика Вяч. Иванова, образы славянской народной демонологии и сюжеты сказок Г. Х. Андерсена («Снежная королева» и «Дева льдов»). О воздействии творчества Вяч. Иванова на тематику и построение цикла писала также З. Г. Минц: «“Снежная Маска” — произведение, полностью находящееся в мире “дионисийских” образов (в их трактовке Вяч. Ивановым). <...> В мире “снегов” вечны лишь перемены, “круженье”. Мир этот — исступленно-“дионисийский”, страстный, противоречивый, губительный. Его воплощение (по-прежнему женственное) — не небесный, а “дионисийский” и демонический образ» [Минц 2000: 627–628]. Сам Вяч. Иванов, присутствовавший при чтении цикла на квартире Блока 13 января 1907 г., отметил, что в стихах «Снежной Маски» «есть что-то Дионисианское» [Блок: 784]. А. В. Лавров и З. Г. Минц отмечали: «В конце декабря 1906 г. Блок перечитывает сказки Андерсена <...>, думает о них <...>. Сказки “Снежная королева” и “Дева льдов” сформировали основную сюжетную линию *СНМ*, тоже боготорчески переосмысленную» [Там же: 783]. Однако комментаторы не уточняют, как формировалась эта сюжетная линия в цикле. В настоящей статье мы попытаемся показать, какие сюжетные элементы сказок Андерсена наиболее значимы для «Снежной Маски».

В исследовательской литературе до сих пор не описан фетовский «пласт» «Снежной Маски». Основная цель нашей работы — выявление фетовских реминисценций в цикле и сопоставление их с образами из Андерсена. Отсылки к Фету обнаруживаются, прежде всего, на мотивном уровне построения цикла и образуют самостоятельный сюжет.

Лирический сюжет «Снежной Маски» строится так: в первом из подциклов («Снега») героиня, образ которой сливается с окружающей зимней природой, увлекает героя из замкнутого пространства в мир выюг и метелей. Герой пытается сопротивляться охватившей его страсти, но чувство оказывается сильнее. Во второй части цикла («Маски») герой и героиня находятся в замкнутом игровом, «маскарадном» пространстве, однако она снова «выводит его из комнат» в мир снежной бури. Цикл завершается гибелью героя «на снежном костре» и его растворением в мире Снежной Маски («Я же — легкою рукой / Размету твой легкий пепел / По равнине снеговой»).

В литературе, посвященной вопросам фетовской традиции в творчестве Блока, отмечалось, что фетовский след заметен в стихотворениях поэта, объединенных «снежной тематикой». Так, например, П. П. Громов писал: «Голос Фета часто слышен в зрелых блоковских стихах о метелях, пожарах и грозах — именно тут, как бы приближаясь к фетовской изобразительности больше всего, Блок наиболее органично преодолевает старшего поэта» [Громов: 88]. По словам Б. Я. Бухштаба, «Целый ряд символов, характерных для поэзии Блока (“метель”, “выюга”, “ночь”, “сумрак”, “заря”, “мгла”, “весна”, “лазурь”), уже приближается к блоковским значениям в лирике Фета» [Бухштаб: 124]. В приведенных высказываниях цикл «Снежная Маска» не упомянут прямо, но отличительные черты его образности («метели», «выюга», «ночь», «сумрак») позволяют предположить, что исследователи включают его в число «зрелых блоковских стихов», отмеченных воздействием творчества Фета.

«Снежная Маска» содержит ряд отсылок к стихотворениям Фета, позволяющих конкретизировать общее впечатление от влияния его лирики на цикл. Это следующие стихотворения:

«Щечки рдеют алым жаром...» (1841), «На двойном стекле узоры...» (1847), «Фантазия» (1847), «Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» (1854), «На железной дороге» (1859–1860), «Какая грусть! Конец аллеи...» (1862), «У окна» (1871) и «Никогда» (1879). Стихотворения «На двойном стекле узоры...», «Какая грусть! Конец аллеи...» и «У окна» входят в цикл Фета «Снега», который является ключевым в плане цитирования в «Снежной Маске».

Первый важный для нас мотив в цикле — это мотив «зимнего пейзажа», на фоне которого разворачивается сюжет. Этот же мотив развивается в стихотворениях Фета «На двойном стекле узоры...», «У окна», «На железной дороге» и «Щечки рдеют алым жаром...» (ср.: «Мороз и ночь над далью снежной» — «На железной дороге», «Помчаться по равнине снежной» — «У окна»; «И чему-то над равнинами снежными / Улыбнувшаяся заря» — «Влюбленность»). У Фета природа не способствует сближению персонажей: в стихотворении «Щечки рдеют алым жаром...» герой призывает возлюбленную вернуться домой, где «ждет тепло и свет» и «... пуститься в разговоры / До рассвета про любовь», в стихотворении «На железной дороге» героев сближает замкнутое пространство поезда, где, в отличие от мира снаружи, «уютно и тепло»; тот же мотив повторяется в стихотворении «На двойном стекле узоры»: «“Двойное стекло” здесь метафора преграды между персонажами: как сильный мороз не проникает в натопленную комнату, но оставляет изящный рисунок на стекле, так и «ты» понятна «я» лишь в минуты молчания» [Пильд: 330].

Заметим, что «узоры» на стекле в значении препятствия между персонажами встречаются также в «Снежной королеве»: «Так как ящики были очень высоки и дети твердо знали, что им нельзя карабкаться на них, то родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу по крыше в гости и сидеть на скамеечке под розами. И что за веселые игры устраивали они тут!

Зимой это удовольствие прекращалось, окна зачастую покрывались ледяными узорами. Но дети нагревали на печке

медные монеты и прикладывали их к замерзшим стеклам — сейчас же оттаивало чудесное кругленькое отверстие, а в него выглядывал веселый, ласковый глазок, — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка, Кай и Герда» [Андерсен 1983: 163]. У Андерсена «ледяные узоры» оказываются только внешним препятствием, которое герои могут преодолеть. «Ледяные узоры» на стекле — признак зимнего холода и власти Снежной королевы, которая стремится разрушить дружбу Кая и Герды, однако она пока не в силах это сделать.

В приведенных стихотворениях Фета персонажи либо по какой-то причине вынуждены скрывать свои чувства («На двойном стекле узоры...» и «На железной дороге»), либо героиня не доступна герою («У окна» и «Щечки рдеют алым жаром...»). У Блока, напротив, страсть героев органично включена в происходящее в природе, подчеркивается совместный характер движения персонажей, акцентируется их сходство [Минц 1999: 105–109]:

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...

(«Снежная вязь») [Блок: 144].

И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,

И мы понеслись («На зов метелей») [Там же: 148].

Описание зимнего пейзажа, сопутствующего появлению героини, встречается также в «Снежной королеве» и «Деве льдов». Ср., например, мотив «поющей бури» в «Снежной королеве»: «Буря выла и стонала, словно распевая старинные песни» [Там же: 796] (ср. в «Настигнутый метелью»: «Вьюга пела...»). «Снежные равнины» как часть зимнего пейзажа, частотная для блоковского цикла, присутствует и в сказке «Дева льдов»: «Там ее царство <царство Девы льдов. — М. С.>, там она переносится с одной снежной равнины на другую на крыльях буйного ветра» [Андерсен 1977: 249]. Очевидно, что у Андерсена снежная стихия — это пространство Снежной Королевы, в которое она силой вовлекает Кая.

Второй фетовский мотив в цикле Блока — это «ожидание героем явления возлюбленной». Так, «я» в стихотворении «У окна» надеется на появление «ты», которое, как ему кажется, выведет его из состояния неподвижности:

К окну прикинув головой,
Я поджидал с тоскою нежной,
Чтоб ты явилась — и с тобой
Помчаться по равнине снежной [Фет: 141].

Лирический персонаж Фета находится в замкнутом пространстве (в комнате)¹, неподвижен (стоит, «прикинув к окну головой») и рассматривает морозные узоры на стекле, которые предсказывают ему явление героини. Угадывание явления возлюбленной по морозным узорам вносит в замкнутый мир героя движение. Стихотворение завершается появлением реальной героини, которая, однако, никуда героя не уводит:

Вдруг ты вошла — я все узнал —
Смех на устах, в глазах угроза.
О, как все верно подсказал
Мне на стекле узор мороза! [Там же]

Сходный мотив («приход героини к герою») развивается в стихотворении Блока «Второе крещение» (как и «У окна», «Второе крещение» написано четырехстопным ямбом, что редко для цикла: из тридцати стихотворений ямб встречается только в шести текстах): «Открыли дверь мою метели, / Застыла горница моя...» (здесь и далее курсив наш. — М. С.). Мотив «открытой двери» появляется также в стихотворении «Прочь!» («И опять открыли солнца / Эту дверь...»). Как отмечала З. Г. Минц, черты «снежной маски» заметно деантропоморфизированы, она редко предстает в образе женщины, чаще она слита с окружающей героя природой (т.е. «открытая дверь»

¹ «Пространства “я” <...> хотя и не детально, но вполне определенно характеризуются признаками “закрытости”. Это мир комнаты <...> ср. также весьма любопытную обложку Л. Бакста к первому изданию *СМ*: “снежная маска” увлекает героя *из дома на улицу*» [Минц 1999: 116].

означает вторжение героини в замкнутое пространство, в котором находится герой, и его выход вовне) [Минц 1999: 109].

В «Снежной королеве» Кай вначале также не хотел открывать двери Снежной Королеве [Блок: 792]: «— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу ее на теплую печку, вот она и растает!» [Андерсен 1983: 163]. Таким образом, и у Блока, и у Андерсена (у Фета — в меньшей степени) герой стремится спастись от героини (в появлении которой он предчувствует опасность) в замкнутом пространстве дома.

В стихотворении «Неизбежное» встречается тот же мотив; героиня «выводит» героя из пространства комнаты: «Тихо вывела из комнат, / Затворила дверь». Герой снова пытается противиться угрозе, которую несет героиня («*Я не открою тебе дверей. / Нет. / Никогда*» — «Снежная вязь»). У Фета мотив угрозы только задан, но не реализуется в лирическом сюжете («Вдруг ты вошла — я все узнал — / Смех на устах, в глазах угроза»). Итак, Блок разворачивает фетовские (и андерсеновские) ассоциативные образы в конкретный сюжет.

Третий характерный для «Снежной Маски» сюжетный мотив — «полет персонажей» — присутствует в стихотворениях Фета «У окна», «Щечки рдеют алым жаром...» и «На железной дороге»². Если в стихотворениях «У окна» и «Щечки рдеют алым жаром...» речь идет о движении с героиней на земле (ср. предполагаемый «полет» на санях в стихотворении «У окна»: «... с тобой / *Помчаться по равнине снежной*»; ср. также: «Щечки рдеют алым жаром, / Соболь инеем покрыт, / И дыханье легким паром / Из ноздрей твоих летит. // Дерзкий локон в наказанье / поседел в шестнадцать лет... / *Не пора ли нам с катанья? / Дома ждет тепло и свет...*»), то в «На железной дороге» описание «полета» лирических персонажей при-

² Несмотря на указание в «Библиотеке А. А. Блока» (Л., 1985), что блоковских пометок к этому стихотворению нет ([Библиотека: 327]), о знакомстве с ним свидетельствует название блоковского стихотворения «На железной дороге» (1910).

ближено к семантике того же мотива в «Снежной Маске». Герои блоковского цикла вовлечены в действительный полет среди выюг и метелей; в стихотворении «На железной дороге» полет героев метафоричен, путешествие на поезде описано как перемещение персонажей в волшебное, нереальное пространство:

Мороз и ночь *над далью снежной*,
 А здесь уютно и тепло.
 И предо мной твой облик нежный
 И детски чистое чело.
 Полны смущенья и отваги,
 С тобою, кроткий серафим,
 Мы через дебри и овраги
 На змее огненном летим.
 Он сыплет искры золотые
 На озаренные снега,
 И снятся нам места иные,
 Иные снятся берега. <...> [Фет: 264–265]

Полет персонажей и «искры» («огненные искры» у Фета и снежные — у Блока), сопровождающие это движение, сближают «На железной дороге» со стихотворением Блока «Здесь и там»:

Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал.
 Были верны наши кони,
 Кто-то белый помогал. <...>
 И метался ветер быстрый
 По бурьянам,
 И снопами мчались искры
 По туманам... [Блок: 168]

Герои стихотворения спасаются от «погони», находясь в саях (т.е. полет не происходит непосредственно среди метелей). В фетовском стихотворении «На железной дороге» героям не угрожает никакая опасность (есть только намек на то, что поезд преодолевает сложности на пути — «Мы через дебри и овраги / На змее огненном летим»), однако «защищенное» пространство поезда сближает их; холодный мир снаружи

противопоставляется «уютному» пространству внутри поезда: «Мороз и ночь над далью снежной, / А здесь уютно и тепло».

В «Снежной королеве» также описан полет Кая и Снежной Королевы в санях (Кай привязывает свои санки к саням Снежной Королевы, и она увозит его в свой дворец):

...и он <Кай> устремил свой взор в бесконечное воздушное пространство. В тот же миг Снежная Королева взвилась с ним на темное свинцовое облако, и они понеслись вперед. Буря выла и стонала, словно распевая старинные песни; они летели над лесами и озерами, над морями и твердой землей; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком черные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц [Андерсен 1983: 165].

Как мы видим, и в этом случае значение интересующего нас мотива у Фета отличается не только от блоковского, но и от андерсеновского: герои Фета никогда не оказываются во власти роковой стихии.

В ряде стихотворений «Снежной Маски» развивается мотив «стремления героя следовать за героиней»: она ускользает, и герой пытается идти по ее следам, прибегая к помощи зимней природы («природные знаки» должны привести героя к возлюбленной). Этот мотив присутствует в стихотворении Фета «У окна» (самом частотном по цитированию в «Снежной Маске»), но у Фета речь идет не о реальном следовании за героиней, сюжет разворачивается в воображении героя. Ср.:

Я видел горный поворот,
Где снег стопой твоей встревожен,
Я рассмотрел хрустальный грот,
Куда мне доступ невозможен («У окна») [Фет: 141].

*И опять, опять снега
Замели следы...* («И опять снега») [Блок: 157]

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
*Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...*

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,

*Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда («Обреченный») [Блок: 169].*

Следует подчеркнуть, что именно этот мотив позволяет заметить сходство между описанием внешности и внутреннего мира героини в некоторых стихотворениях «Снежной Маски» и образами женских персонажей Фета («смех» героини, морозный воздух над ее шубкой и т.п.):

*Вдруг ты вошла — я все узнал —
Смех на устах, в глазах угроза... («У окна») [Фет: 141]*
*Щечки рдеют алым жаром,
Соболь инеем покрыт,
И дыханье легким паром
Из ноздрей твоих летит.*
(«Щечки рдеют алым жаром...»)³ [Там же: 368]

*И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой («Снежное вино») [Блок: 143].*

Поведение героини фетовского стихотворения «На двойном стекле узоры...» связано с обманом, она вынуждена лукавить, подчиняясь светским условностям:

*Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня <...>
Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена [Фет: 138–139].*

На характеристику «ты» в этом стихотворении Блок обратил внимание, сохранились его пометки к этому стихотворению (подчеркнута строфа «Ты хитрила, ты скрывала, / Ты бы-

³ Сохранились пометки Блока к стихотворению «Щечки рдеют алым жаром...»; подчеркнуты слова: «Из ноздрей твоих», напротив — восклицательный и вопросительный знаки [Библиотека: 327]. Возможно, эта деталь в описании героини показалась Блоку комической.

ла умна; / Ты давно не отдыхала, / Ты утомлена» [Библиотека: 327]). Однако если героиня Фета «хитрит» против своей воли, такое поведение ее «утомляет», то обман героини блоковского стихотворения «На снежном костре» направлен против героя и воспринимается ею как нечто естественное, свойственное ее природе:

*Я была верна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...
Так гори, и яр и светел,
Я же — легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой [Блок: 171].*

У Блока акцентируется мотив соблазна (ср. блоковскую строку «Завивалась и звала»): «ты» соблазняет «я» и обрекает его на гибель, но сама не воспринимает это как предательство. Оба стихотворения написаны хореем (у Фета — разностопным, у Блока — четырехстопным).

Сходство в рамках рассматриваемого мотива в «Снежной маске» обнаруживается и между мужскими персонажами Фета и Блока. Так, например, в стихотворении Фета «Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?..» любовь к героине лишает героя способности спокойно мыслить:

*Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной страницы —
И яркий белый свет начнет в глазах мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы [Фет: 71].*

Можно заметить, что в стихотворении Блока «Они читают стихи» отражается смятение фетовского героя:

*Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели [Блок: 167].*

Ср. также в стихотворении «Пойми же, я спутал, я спутал...» из цикла «Фаина» (также посвященного Волоховой):

*Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов... [Блок: 189]*

(Отметим, что и у Андерсена образ Снежной Королевы связывается с «большой птицей»: «Мальчуган испугался и прыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу» [Андерсен 1983: 163]).

Следующим сюжетным мотивом цикла, развитие которого отсылает к фетовским образам, является мотив «смерти». Стремление блоковской героини обмануть и соблазнить героя несет угрозу для героя, в стихотворении «Второе крещение» любовь к ней связана с желанием гибели:

*Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле. <...>
Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет — Смерть [Блок: 146].*

«Второе крещение» проецируется на стихотворения Фета «Никогда» и «Какая грусть! Конец аллеи...». В последнем из названных текстов развивается мысль о связи зимы и холода с гибелью и концом света. Для общего значения блоковского цикла существенно, что «я» в фетовском тексте («Никогда») отказывается жить в одиночестве на «застывшей» земле. Он предпочитает вернуться в могилу, потому что ему не нужна жизнь без *дома* и близких людей:

*Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,
Но ни следов, ни звуков. Все молчит,
Как в царстве смерти сказочного мира. <...>
Куда идти, где некого обнять,
Там, где в пространстве затерялось время?
Вернись же, смерть, поторопись принять*

Последней жизни роковое бремя.
*А ты, застывший труп земли, лети,
 Неся мой труп по вечному пути!* [Фет: 86–87]

Герой стихотворения Фета «Какая грусть! Конец аллеи...» надеется, что весна может сменить зимний холод:

А все надежда в сердце тлеет,
 Что, может быть, хоть невзначай,
 Опять душа помолодеет,
 Опять родной увидит край,
 Где бури пролетают мимо,
 Где дума страстная чиста, —
 И посвященным только зримо
Цветет весна и красота [Там же: 140–141].

Блоковский герой, напротив, рад тому, что зима означает гибель, и не желает прихода весны:

*Но посмотри, как сердце радо!
 Заграждена снегами твердь.
 Весны не будет, и не надо:
 Крещеньем третьим будет — Смерть* [Блок: 146].

Герой «Снежной Маски» гибнет, сгорая на «снежном костре», и растворяется в мире зимней природы, мире Снежной Маски:

Так гори, и яр и светел,
 Я же — легкою рукой
 Размету твой легкий пепел
 По равнине снеговой [Там же: 171].

Мотив гибели героя находим и у Андерсена: Руди в сказке «Дева Льдов» тонет в горной реке, которая является обителью Девы Льдов (т.е. героиня, как и в блоковском цикле, связана с зимней природой, и гибель героя оказывается — одновременно — и его растворением в мире героини): «Прозрачная голубовато-зеленая вода, вытекавшая из горного глетчера, была холодна, как лед, и глубока. Руди бросил в глубину быстрый взгляд, и перед глазами его как будто замелькало, закружилось, засияло золотое колечко, то самое, которое он потерял! Кольцо стало расти, расширилось в сияющий круг, а в середи-

не его заблестел глетчер. Вокруг зияли бездонные пропасти, вода журчала, звеня, словно колокольчики, и сияя голубоватым пламенем. <...> На ясном, прозрачном дне сидела сама Дева Льдов; вот она поднялась к Руди, поцеловала его в ноги, и по телу его пробежал смертельный холод, электрический ток... Огонь и лед!.. При мимолетном прикосновении к ним их ведь не различишь! <...> И Руди исчез в ясной синеватой глубине» [Андерсен 1977: 289]. Обратим внимание на то, что смерть героя изображается у всех трех авторов. Но только у Фета (в стихотворении «Никогда») смерть — результат свободного выбора «я», и она связана с другим важным для Фета образом — образом «дома».

На композиционном уровне структуры цикла важна его связь со стихотворением Фета «Фантазия» (1847), персонажи которого находятся в замкнутом пространстве, а весь любовный сюжет разворачивается в воображении героя, т.е. он может управлять его развитием. В стихотворении Блока «Снежная вязь» (второе в подцикле «Снега») герой пытается сопротивляться чувству, представляет его как плод своей творческой фантазии (он сам придумал эту любовь и имеет над ней власть): «Да. Я с тобой незнаком. / Ты — стихов моих пленная вязь». Позже этот мотив исчезает (героиня оказывается сильнее героя) и появляется вновь только в начале подцикла «Маски». Герой пытается представить ситуацию как игровую (появляются маски, рыцари, тени), но чувство вновь оказывается сильнее. Значимым становится мотив стекла (герою как будто видится все происходящее сквозь стекло):

Мы одни; из сада в *стекла* окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи («Фантазия») [Фет: 154].

И в руках, когда-то строгих,
Был *бокал стеклянных влаг*.
Ночь сходила на чертоги,
Замедляя шаг.

И *позвякивали* миги,
И *звенела* влага в сердце,

И дразнил зеленый зайчик
 В догоревшем хрустале («Под масками») [Блок: 160].

В стихотворении «Фантазия» представлена яркая цветовая гамма:

На суку извилистом и чудном,
 Пестрых сказок пышная жилица,
 Вся в огне, в сияньи изумрудном,
 Над водой качается жар-птица;
 Расписные раковины блещут
 В переливах чудной позолоты,
 До луны жемчужной пеной мещут
 И алмазной пылью водометы [Фет: 155].

В начале подцикла «Маски» появляются цвета, новые для цикла («зеленый зайчик в догоревшем хрустале», «И на завесе оконной / Золотится / Луч, протянутый от сердца — / Тонкий цепкий шнур», «Дамы с шлейфами, пажами, / В розовых тенях»). В основном цветовой мир «Снежной Маски» сводится к белому, черному и серебряному цветам, однако, начиная с середины подцикла «Маски», яркие цвета исчезают, и для героя мир снова окрашивается в привычные тона. Характеризуя цветовую гамму цикла, З. Г. Минц писала: «Оба цвета “метельного мира” (белый и синий, черный) раскрывают свое значение не только в пейзажном ряду <...> Важны и их символические значения: они оба <...> ассоциируются с темами “черной гибели” и “белой смерти”» [Минц 1999: 136].

Волевой импульс (попытка в начале первого и второго подциклов изменить ситуацию в свою пользу) может быть связан в сознании Блока с Фетом, которого он считал поэтом сильным и мужественным, т.е. способным противопоставить свою поэзию предшествующей традиции. Так, в «Наброске статьи о русской поэзии» (1901–1902) Блок, сравнивая Фета и Тютчева, писал: «... в <...> пророческом, — Фет больше Тютчева. Ибо Фет ощутил и ясно воплотил то, что еще смутно грезились Тютчеву. Громадный шаг отречения, на который не решился Тютчев, <...> этот шаг сделал Фет» [Блок 1963: VII, 34].

Таким образом, в рассмотренных стихотворениях Блока выделяется комплекс мотивов, позволяющий говорить о присутствии «фетовского следа» в «Снежной Маске».

Ключевыми в плане цитирования являются стихотворения Фета из раздела «Снега» (особенно значимо и частотно в плане цитирования стихотворение «У окна»). Остальные стихотворения Фета, объединенные тем, что условно можно назвать «снежной тематикой», привлекаются по ассоциации с текстами «Снегов», в них выделяются те же мотивы. В «Снежной Маске» отсылки к стихам Фета репрезентируют воспоминание автора цикла о «прошлом» (именно период «первого тома», «Стихов о Прекрасной Даме»), был отмечен в эволюции Блока наибольшим фетовским влиянием, а саму лирику Фета Блок в начале века постигал опосредованно, кодируя ее в мифопоэтических образах философии и поэзии Вл. Соловьева). Некоторые атрибуты в описании облика героини, а именно, морозный «воздух» над ее «шубкой», напоминают о текстах, посвященных Любви Дмитриевне Менделеевой. Ср. в стихотворении «Не спят, не помнят, не торгуют...» (1909): «Звонят над шубкой меховую, / В которой ты была в ту ночь» (т.е. в ночь 2 января 1903 г., когда Блок сделал предложение Менделеевой), упоминание о шубке часто связано с обликом Любви Дмитриевны: «На Вас бывала, должно быть, полумодная шубка с черным мехом...» (черновик письма к Л. Д. Менделеевой от 29 августа 1902 г.) [Блок 1963: VIII, 55]. Вместе с тем присутствие Фета в цикле напоминает о «доме» (с поэзией Фета Блок знакомился в детские годы, в профессорском доме Бекетовых), тема дома становится особенно важной для Блока в этот период (как хорошо известно, в статье «Безвременье» 1906 г. он писал о разрушении домашнего очага). Видимо, последним обстоятельством обусловлено то, что большинство цитируемых в «Снежной маске» фетовских текстов описывает «домашнее» («комнатное») пространство (или же его подразумевает). Поэзия Фета в «Снежной маске», таким образом, намекает на возможное возвращение героя к прежним ценностям, об утрате которых он глубоко сожалеет.

Если влияние Вяч. Иванова ощущается в «Снежной Маске» на уровне построения цикла как целого («дионисийское» настроение цикла), то отсылки к Фету и Андерсену формируют самостоятельный сюжет. Реминисценции из сказок Андерсена во многом параллельны фетовским. Как мы показали, в цикле одновременно развиваются несколько фетовских и андерсеновских мотивов: зимний пейзаж, нежелание героя «впускать» героиню в замкнутое пространство дома, совместный «полет» персонажей, героиня, представляющая опасность для героя, гибель героя.

В андерсеновском пласте, который отражен в цикле, доминируют мотивы опасности и гибели, связанные с образом героини (Снежной королевы и Девы льдов). В фетовском реминисцентном пласте, который, как было показано, во многом повторяет андерсеновский, те же мотивы даны более смягченно: героиня не уводит героя из дома, лирический субъект чаще находится дома или думает о доме, как в стихотворении «На железной дороге». Существенно, что фетовские мотивы приобретают в цикле черты нарратива именно благодаря сказкам Андерсена, с которыми они сопоставлены. Если андерсеновские сказки (особенно «Дева льдов») отчасти усиливают в цикле настроение тревоги и страха, связанных с гибелью (и «падением») героя, то фетовские мотивы призваны уравновесить и умерить эти смысловые интенции, укрепить в читателе уверенность, что «возврат» лирического героя к покинутым и поруганным ценностям состоится.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсен 1977: *Андерсен Г. Х.* Сказки и истории: В 2 т. Л., 1977. Т. 2.
Андерсен 1983: *Андерсен Х. К.* Сказки, рассказанные детям. М., 1983.
Библиотека: Библиотека А. А. Блока. Описание: В 3 т. Л., 1985. Кн. 2.
Блок: *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 2.
Блок 1963: *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7–8.
Бухштаб: *Бухштаб Б. Я. А. А.* Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974.
Громов: *Громов П. П. А.* Фет // Фет А. Стихотворения. М.; Л., 1963.

Минц 1999: *Минц З. Г.* Поэтика Александра Блока. СПб., 1999.

Минц 2000: *Минц З. Г.* Блок и В. Иванов (Статья I: Годы первой русской революции)» // Минц З. Г. Блок и русский символизм. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000.

Пильд: *Пильд Л. Л.* О композиции «Стихотворений» А. А. Фета: Фет и Гейне // И время и место: Истор.-филологич. сб. к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008.

Фет: *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1986.